

ки, обычно чутко реагирующей на этнокультурные процессы. На протяжении длительного времени она устойчиво сохраняла свой тип. Усиленно пропагандируемый Г. В. Штыховым и Н. И. Ермоловичем тезис о возникновении белорусского ядра чуть ли не в догосударственный период не имеет научных оснований¹³. Следует подчеркнуть также уязвимость исследований этногенетических проблем, ориентирующихся на чисто биологический момент, каковым является этническое смешение. Оно — лишь один и далеко не главный фактор этногенеза. В связи с этим нельзя не отметить крайне слабую изученность славянских археологических памятников VIII—X вв., а также синхронных им памятников местного населения. Если говорить о территории Белоруссии, то последние здесь почти неизвестны. Это или одна из археологических загадок, или результат недостаточной археологической изученности региона. Если лингвистика утверждает, что балтское население, не ассимилированное славянами, жило бок о бок с ними в течение длительного времени, то должны существовать и их памятники. Среди древностей X—XII вв. археологи пока не могут их выделить. Все это крайне затрудняет изучение вопроса о взаимоотношении славян с местным населением, как и проблемы этногенеза в целом. Но новые исторические условия, сложившиеся после расселения восточных славян на обширных просторах Восточной Европы, несомненно, включили в действие и новые факторы, оказывавшие обратное воздействие на восточнославянский этнос и способствовавшие в конечном итоге его постепенной дифференциации. Факторы эти: большие размеры новой территории обитания и этнические субстраты. По мере вовлечения в русло славянского этногенеза неславянских этносов действие субстратов усиливалось.

¹ См.: Штыхаў Г. Хто мы // Спадчына. 1989. № 1. С. 31.

² См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 274.

³ См.: Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.

⁴ См.: Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

⁵ См.: Бромлей Ю. В. Указ. соч.

⁶ См.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы. Л., 1968.

⁷ См.: Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

⁸ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

⁹ См.: Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.

¹⁰ См.: Там же. С. 38—39.

¹¹ См.: Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 270, 273.

¹² См.: Шахматов А. Древние судьбы русского племени. Пг., 1919.

¹³ См.: Ермолович М. Старожытная Беларусь. Мн., 1990. С. 43.

И. А. ГАММЕРШМИДТ

ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В 80-е гг. XIX в. НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ

Россия и Германия во второй половине XIX в. переживали значительный экономический подъем. Это создавало почву для усиления конкуренции между соседними империями. Положение усугублялось европейским аграрным кризисом 70—80-х гг. В этих условиях правительства двух стран перешли от политики «пацифизма», свободы торговли, свободы конкуренции на путь таможенного протекционизма.

Вопрос о переходе России к политике протекционизма активно обсуждался с середины 70-х гг., чему способствовали меры, предпринимаемые правительством в этом направлении. С 1877 г. пошлины стали взиматься в золотой валюте, что означало фактическое повышение их на 48 %¹. В 1881 г. было произведено общее увеличение пошлин на 10 %, в 1884 г. были подняты пошлины на чугун, железо, сталь, машины, уголь².

Значительная часть дворянства, жившая за счет торговли сельскохозяйственными продуктами и потребляющая иностранные промышленные товары, встретила в штывы эти правительственные меры. Протекционизм, вызывая рост цен, бил по кошельку государственных служащих и лиц «свободных профессий»³, ратные, рабочих, т. е. тех, кто получал постоянный оклад.

Часть предпринимателей, связанных с Германией торговыми договорами или использующих иностранное оборудование, железнодорожные кампании, банкиры и биржевики тоже выступили против протекционизма. Противостоял этой армии приверженцев «свободной торговли» меньший по численности, но исторически более перспективный конгломерат крупных предпринимателей Донбасса и Урала, часть бюрократии и ученых, видевших в развитии промышленности главный залог экономической силы России. С течением времени лагерь протекционизма ширится, охватывая и высшие правительственные круги. К идее установления охранительной внешнеторговой политики склонялся и император Александр III.

Проблема протекционизма непосредственно затрагивала русско-германские взаимоотношения в целом. Это неизбежно вело к выходу полемики по поводу протекционизма за чисто экономические рамки. Не случайно именно протекционистско настроенные круги выступали за смену внешнеполитического курса России. Присоединение предпринимателей к существующей долгие годы в России антигерманской партии подвело под нее экономический базис.

Широкий отклик в России в 1885 г. вызвало известие о новом очередном повышении германских пошлин на сельскохозяйственные товары. Русские журналы внимательно следили за ходом дебатов в рейхстаге по поводу проекта нового тарифа. Отмечалась особая роль Бисмарка, который, по словам «Вестника Европы», «всей тяжестью личного авторитета действует неудержимо на стороне проекта покровительственных пошлин»⁴. Это давало повод связывать тарифные изменения с какими-то политическими расчетами, хотя сам канцлер всякий раз подчеркивал различие между своей «большой политикой и предпринимаемыми экономическими мерами»⁵. Однако на страницах и крайне правого журнала «Русский вестник», и умеренно либерального «Вестника Европы», и издания народнического толка «Русское богатство» единодушно отмечалась антирусская направленность принимаемых мер. Даже министр финансов Н. Х. Бунге, очень сдержанно относившийся к протекционизму, рассуждая о последствиях повышения пошлин на хлеб в Германии, признавал: «Уменьшились до крайнего предела доходы наших помещиков и крестьян. Нет у фабрикантов покупателей — приходится сокращать производство»⁶.

Поскольку германские пошлины не повлекли за собой непосредственного сокращения русского экспорта и вытеснения русского зерна с германского рынка, обсуждение этой проблемы на некоторое время потеряло остроту. Но оно не прошло бесследно. Во-первых, усилились антигерманские настроения. Во-вторых, как видно из выступлений журналистов, это обсуждение послужило поводом для активизации приверженцев таможенного протекционизма.

За развитие национальной промышленности выступал журнал придворных кругов «Гражданин», призывая запретить ввоз «различных предметов из-за границы»⁷. Наиболее последовательно данное направление отстаивал рупор буржуазно-монархического лагеря журнал М. Н. Каткова «Русский вестник». Активность этого лагеря можно объяснить как меркантильными интересами, так и политическим чутьем, которое подсказывало, что укрепить монархию можно только путем установления тесного союза с промышленниками. Если раньше публикации журнала сводились к поддержке тех или иных требований предпринимателей, то теперь ставилась задача глобального пересмотра таможенной политики. Исходя из того, что увеличение пошлин в Германии «бьет по карману... всех промышленников, положение которых и без того незавидное», «Русский вестник» предлагал полностью пересмотреть таможенный тариф России «в пользу национальной промышленности»⁸.

Но оппозиция протекционизму оставалась еще достаточно сильной. Несмотря на разногласия по внутривнутриполитическим вопросам, сторонники свободы торговли прибегали к почти одинаковым аргументам, стараясь доказать вред протекционизма для России. Они отмечали, что некоторые протекционистские меры, ранее предпринятые правительством, не способствовали устранению промышленного застоя, а, напротив, явились одной из его причин. Так, журнал «Русская мысль» делал особый упор на том, что «возвышение таможенных пошлин есть средство, доступное не только для одной страны, но и для других соседних с ней стран»⁹. Следовательно, все положительное, связанное с протекционизмом, может быть легко перечеркнуто ответными мерами конкурирующих государств. Либеральные круги указывали на тесную связь проблем протекционизма и сохранения мира. «Правительственная система, — утверждал «Вестник Европы», — становится источником междуна-

родных смут или, по крайней мере, содействует возникновению политических кризисов»¹⁰, если проводит политику протекционизма. «Русская мысль» шла еще дальше, утверждая, что итогом такой политики будет война¹¹. Негативное отношение к протекционизму оправдывалось еще и тем, что русская промышленность не способна обеспечить страну всем необходимым. Повышение же пошлин «производит неблагоприятное впечатление в торговом мире и принадлежит к числу условий, затрудняющих, по отзыву иностранцев, ведение торговых дел с Россией». Журнал «Русская мысль» в июльском номере за 1886 г. отмечал «любопытное явление дипломатического протеста против дальнейшего возвышения у нас пошлин на привоз железа»¹².

Осложнение политической обстановки на Балканах в 1886 г. заставило Россию искать поддержки у Германии. Бисмарк постарался использовать это обстоятельство для давления на Петербург, вынудив царское правительство отказаться от намечаемых протекционистских мер.

Реакция русской журналистики на германское давление была довольно слабой. Исключение составляли издания Каткова, выступившие с резкой критикой внешнеполитического курса министра иностранных дел Н. К. Гирса и экономической политики министра финансов Н. Х. Бунге. Эти выступления сыграли известную роль в отставке Бунге и замене его в январе 1888 г. ставленником промышленных кругов И. А. Вышнеградским.

Таким образом, на страницах журналов не только теоретизировали по поводу протекционизма, но и пытались влиять на соотношение политических сил в правительстве. К. К. Арсеньев в апрельском номере «Вестника Европы» отмечал: «Агитация против финансового управления принимает всевозможные формы, сыплет то насмешками, то комплиментами, пользуется то записками, покрытыми глубокой тайной, то корреспонденциями иностранных газет, происхождение которых никому не известно»¹³.

Газеты Каткова и Мещерского выдвигали и серьезные претензии к Н. Х. Бунге: 1) неспособность найти истинные причины экономического кризиса и финансовых затруднений; 2) подмена решений коренных, принципиальных вопросов экономической жизни установлением мелких, частных налогов; 3) пристрастие к теоретическим разработкам своих проектов при недостаточном учете экономических и других противоречий русской жизни. Полемизируя с буржуазно-монархическими кругами, Арсеньев пытался определить более глубокий смысл происходящего: «Они ненавидели в нем (Бунге — И. Г.) не министра, бессильного восстановить бюджетное равновесие и положить конец экономическому кризису, а государственного человека, не способного жертвовать интересами масс в пользу интересов привилегированного меньшинства»¹⁴. Под защитой интересов масс либеральный публицист подразумевал противодействие, которое оказывал Бунге протекционистским крайностям.

«Нападая на Бунге, — вспоминал позже С. Ю. Витте, — Катков вместе со всей крайне консервативной партией, которой он руководил, должен был выставить какого-нибудь своего кандидата. Вот он и выставил Вышнеградского»¹⁵. Безусловно, выступления прессы Н. Н. Каткова имели определенное значение для выдвижения Вышнеградского, но публикации на страницах периодических изданий были всего лишь дымом от того огня, что разгорался в высших эшелонах власти.

Активно влиял на позицию и политику Александра III и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. За 1886 г. в переписке с императором он не раз обращался к экономической политике и при этом оценивал ее всегда однозначно: «Ценностью нашего рубля играет в свою пользу бессовестно какая-то внешняя сила», «Мы попали в кабалу берлинской биржи», и вина в этом политике, «основанной на отвлеченной книжной теории»¹⁶.

Много шума в высших кругах наделала записка товарища обер-прокурора Синода Н. П. Смирнова о финансовой политике, с которой перед представлением ее царю были ознакомлены и согласились с основными идеями К. П. Победоносцев, М. Н. Островский, граф Д. А. Толстой¹⁷. Усилилось прямое давление промышленников, требовавших от правительства ограждения национальной промышленности России от внешней конкуренции.

В 1887 г. был принят указ о запрещении иностранным подданным владеть недвижимостью в западных губерниях России, направленный фактически против немцев, колонизировавших эти земли. Весной того же года были вновь повышены таможенные пошлины. В Берлине приняли ответные меры. «В Германии, — писал журнал «Гражданин», — развернулся беспрецедентный в летописях русско-германской дружбы поход против России»¹⁸. Попытка экономического давления, предпринятая Бисмарком в 1887 г., созда-

ла благоприятные условия для переориентации внешнеполитического курса России. Экономическое соперничество подтолкнуло Россию сначала к экономическим связям, а затем и к политическому союзу с Францией.

¹ См.: Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 271.

² См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР: В 3 т. М., 1956. Т. 2. С. 179.

³ Среди городского дворянства эта группа составляла примерно половину и численность ее увеличивалась (Карелни А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979. С. 123).

⁴ Вестник Европы. 1885. № 3. С. 407.

⁵ Русский вестник. 1885. № 2. С. 897.

⁶ Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Полудом 2. С. 541.

⁷ Гражданин. 1885. № 55. С. 10.

⁸ Русский вестник. 1885. № 2. С. 892—893; № 1. С. 901; 1886. № 4. С. 957; 1887. № 2. С. 978.

⁹ Русская мысль. 1886. № 7. С. 153.

¹⁰ Вестник Европы. 1885. № 8. С. 860.

¹¹ См.: Русская мысль. 1885. № 7. С. 25.

¹² Там же. 1886. № 7. С. 152, 153.

¹³ Арсеньев К. К. За четверть века. Пг., 1915. С. 270.

¹⁴ Там же. С. 323.

¹⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 279.

¹⁶ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. 2. С. 122—123.

¹⁷ Там же. С. 97.

¹⁸ Гражданин. 1887. № 7. С. 3.

В. А. ФЯДОСІК

**ХРЫСЦІЯНСКАЯ ЦАРКОЎНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ
Ў РЫМСКАЙ ІМПЕРЫІ ІІІ — ПАЧАТКУ ІV ст.
(асноўныя тэндэнцыі развіцця)**

ІІІ — пачатак ІV ст. былі надзвычай важнымі этапамі ў гісторыі антычнага хрысціянства. У гэты час у хрысціянстве трывала ўсталявалася царкоўная арганізацыя. Ва ўмовах крызісу, што ахапіў Рымскую імперыю ў ІІІ ст., новая рэлігія знаходзіла ўсё больш і больш сваіх адпатаў у розных сляхах грамадства. Хрысціянства ўпершыню падверглася рэпрэсіям з боку ўлад у агульнаімперскім маштабе, і, нарэшце, самае моцнае з антыхрысціянскіх ганенняў — «вялікае ганенне» імператара Дыяклетыяна літаральна праз некалькі гадоў змянілася афіцыйным прызнаннем хрысціянскай царквы дзяржаўнай уладай, пачаў складвацца саюз паміж царквой і дзяржавай. Працэсы эвалюцыі ў гэты час праходзілі больш інтэнсіўна, чым у першыя два стагоддзі існавання хрысціянства, і многае ў іх было якасна іншым, чым раней.

У гэтым артыкуле зроблена спроба асэнсаваць асноўныя тэндэнцыі развіцця хрысціянскай царкоўнай арганізацыі ў вельмі важны перыяд яе існавання. Вядома, працэсы, што адбываліся ў царкве і ў пазацаркоўных плынях (ерасях), істотна адрозніваліся. Але калі ерасі, якія мелі яўны сацыяльны падтэкст, больш-менш вывучаліся савескімі гісторыкамі, то даследаванне гісторыі царквы ІІІ — пачатку ІV ст. з'яўляецца адной з «белых плям» у нашым навуковым хрысціяназнаўстве. Між тым вывучэнне эвалюцыі афіцыйнага царкоўнага кірунку ў хрысціянстве ўяўляецца больш значным, чым вывучэнне асобных ерэтычных рухаў, бо не яны, а менавіта царква вызначала далейшыя лёсы антычнага хрысціянства. Дарэчы, і ў замежнай літаратуры мы не знойдзем спецыяльных абагульняючых даследаванняў па гэтай тэматыцы — як правіла, вывучаліся асобныя аспекты праблемы альбо гісторыя царквы ІІІ — пачатку ІV ст. разглядалася ў больш шырокім гістарычным кантэксце, што непазбежна «размывала» якасныя характарыстыкі гэтага перыяду.

Так, напрыклад, амаль не сустракаюцца спробы даць агульнае